

Раньше Лао Сы, едва проснувшись, сразу спешил к своему любимцу — рыжему бычку, а потом не торопясь обходил птичник и огород.

Теперь же его утро неизменно начиналось с уборки вокруг нового дома. Вооружившись лопатой, он ровнял кучи песка и гравия, оставшиеся после стройки, а каждый уцелевший кирпичик или приметный булыжник бережно собирал и складывал в углу двора — в хозяйстве всё пригодится.

Новые хоромы были полностью готовы, и по случаю новоселья полагалось закатить пир.

Жить в доме сразу не собирались — стенам требовалось как следует просохнуть, — однако в день торжества следовало занести внутрь хоть какую-то мебель. Оставлять новое жильё совершенно пустым считалось дурной приметой.

Рано утром А-Сюань безжалостно растолкал сладко спавшего Гоуданя.

— Поднимайся давай! — весело, но настойчиво скомандовал он. — Нам ещё в уезд ехать, дядю Лю благодарить за помощь, да и к празднику нужно кучу всего докупить. Живее!

Гоудань, чей сладкий сон бесцеремонно прервали, сперва хотел было рявкнуть, но, разглядев перед собой А-Сюаня, лишь тоскливо вздохнул и нехотя сполз с кровати. Он лениво слонялся по комнате и окончательно собрался только после того, как друг несколько раз поторопил его.

— Горе ты моё, — покачал головой А-Сюань.

Заметив, что Гоудань застегнулся вкривь и вкось, он не выдержал и принялся собственноручно поправлять ему воротник и перестегивать пуговицы.

Наблюдавший за этой сценой Лао Сы довольно щурился. А-Сюань заботился о его сыне как о родном. Да и с крутым норовом Гоуданя только этот парень и мог совладать.

Отец радовался: теперь его малец не останется один на белом свете, ведь иметь рядом верное плечо — великое счастье.

В уезде они первым делом заглянули к семейству Лю — провели тётушку Лю и Лю Юаня. На обратном пути заехали в универмаг за покупками, а после заглянули на мебельную фабрику, где присмотрели два добротных гарнитура со столами и лавками. Один предназначался для Лао Сы, другой — для них самих. К новоселью всё должно быть с иголочки.

На праздничный стол закупили целую полутушу свинины, домашнюю птицу — угощение

обещало быть куда богаче, чем на недавние помочи, когда крыли крышу.

Праздник новоселья — дело серьёзное, тут простым перекусом за работу не отделаешься. Гостей скликали чин по чину. Соседи и родня тоже не могли явиться с пустыми руками: по обычаю, чтобы «согреть новый дом», приносили кто пару цзиней муки, кто чашку риса, а кто и красный конверт с парой-тройкой мао. Щедрость подношения зависела лишь от достатка да близости к хозяевам.

Раз люди несут подарки, то и угощение на столах должно ломиться от яств. Чай, не бесстыжие хапуги какие, чтобы дары нагрести, а гостей пустой похлёбкой потчевать.

К готовке привлекли деревенских молодух да кумушек — овощи мыть да шинковать, а верховодить на кухне позвали лучшего в округе повара. Тот дело своё знал туго: сразу прикинул бюджет и расписал меню так, что пальчики оближешь.

Гоудань, не желая увязать в хлопотах, полностью доверился мастеру. И пускай повар выгадает себе копеечку-другую — нервы и покой дороже. Сил и времени вникать в каждую мелочь у парня не имелось, не хватало ещё надорваться перед самым отъездом.

Лао Сы давно смирился с широкими жестами сына и просто закрывал на это глаза. Да и что тут поделаешь? Спорить с Гоуданем — себе дороже, всё равно последнее слово останется за ним.

Во дворе натянули брезент, соорудив просторный навес, по соседям собрали столы да лавки. Помогать пришли едва ли не всей улицей. В деревне ведь как заведено: какие бы склоки и обиды ни копились годами, в такие большие дни все дразги забываются. Люди простые — сегодня лаются, а завтра первыми бегут на подмогу.

С оглушительным треском взорвалась первая связка петард. Ребятишки, растеряв от восторга всякий страх, крутились поблизости, выжидая момент, когда дым рассеется, чтобы ринуться на поиски уцелевших, неразорвавшихся шутих.

Горячие яства потекли на столы нескончаемым потоком. Цичжи уселся за конторку записывать подношения: кто принёс красный конверт, кто мешок риса или муки. В деревне такие списки берегли пуще глаза — ведь когда у соседей случится свадьба или новоселье, придётся возвращать должок точно такой же монетой.

Лао Сы, Гоудань и А-Сюань крутились как белки в колесе. И пускай Мингуан с ребятами взял на себя мелкие заботы, по всем важным вопросам бежали к хозяевам. Шутка ли — Гоудань и А-Сюань сделались первыми на десять ли вокруг студентами! Породниться или хотя бы свести дружбу с такими завидными парнями желал каждый, так что гостей набилось видимо-невидимо.

Большинство приглашённых вели себя пристойно: за стол садился либо сам глава семейства,

либо приходили вдвоём с супругой. Однако не обошлось и без наглецов, решивших пожить за чужой счёт. Иной засунул в конверт жалкие медные гроши, а сам притащил ораву из семи-восьми ртов, которые миглом оккупировали лавки. Из-за таких гостей мест на всех не хватило, и обед пришлось устраивать в два захода, что влетело хозяевам в копеечку.

Одно застолье невольно растянулось на два полноценных круга, и только к вечеру удалось накормить последнего гостя.

Высказать хапугам всё, что о них думаешь, не позволял обычай. Люди ведь пришли «принести благополучие» в новый дом, а ссориться в такой день — накликать вечные раздоры под новую крышу. Вот и приходилось терпеть да улыбаться.

Очередь за столами, конечно, всё подмечала и мысленно кривилась, но вслух никто не проронил ни слова.

Казалось, торжество завершится без сучка и задоринки, как вдруг среди общего гула чей-то бойкий голос обронил:

— Гоудань-то наш как высоко взлетел! И в университете учится, и хоромы отгрохал... А родная мать тем временем в лачуге ютится.

За столом мгновенно воцарилась звенящая тишина.

— Ты что лопочешь, пустомеля? — шикнул кто-то на говорившего.

— Сбежала ведь бог весть когда! С чего ты взяла, будто она в шалаше каком-то мается?

— Да замолчи ты уже, никак утробу свою не набьёшь, так хоть языком почесать?

— Да я вам истинную правду говорю! — не унималась баба. — У моей невестки родня в той же деревне живёт, где у Гоуданя материнский род. Она на днях оттуда воротилась и всё рассказала. Заявилась, значит, эта немая к братьям, а невестка её даже на порог не пустила. Деваться бедолаге некуда, вот и склотила себе убогий шалаш у забора...

Сплетни в деревне разлетаются быстрее ветра. Не прошло и получаса, как все подробности пошли по рукам. Оказалось, немая мать Гоуданя лишилась мужа на чужбине и, натерпевшись лиха, притащила двоих ребятишек к порогу родительского дома. Но родные братья с порога указали ей на дверь. Сердобольные соседи подкармливали несчастную чем могли, а сама она набрала гнилых досок, соорудила кое-какую лачугу и теперь перебивалась случайными заработками за миску похлёбки.

— Дней десять уже как прибилась, неужто никто не слыхал? — кумушка так и косила глазом в сторону Лао Сы, выведывая, дошли ли до него слухи.

— Откуда ж нам знать-то? — зашушукались соседки. — Деревня её родителей у чёрта на куличках, да и поминай как звали — все давно думали, что померла где-то. Если б ты сегодня рот не раскрыла, так бы никто и не ведал.

— Ох, грехи наши тяжкие... И что теперь делать-то? Неужто Гоудань родную мать на произвол судьбы бросит? — сокрушалась сплетница, хотя на её самодовольном лице так и читалось предвкушение знатной потасовки.

Приличные люди лишь брезгливо морщились от такого злорадства, но слух уже покатился по двору и вскоре достиг ушей Гоуданя.

На мгновение Гоудань лишился дара речи. Опешив, он медленно повернулся к отцу. Лао Сы стоял разинув рот и выглядел ещё более растерянным, чем его сын.

А-Сюань потихоньку отозвал в сторонку понимающих людей, расспросил и вскоре шепнул Гоуданю:

— Смуту навела двоюродная племянница твоей старшей тётки. Её невестка действительно живёт в деревне твоей матери. Только вот какого лешего она вытащила это грязное бельё прямо посреди праздника? Деревни наши не ближний свет, новостями особо не обмениваемся, да и не до чужих забот сейчас людям.

Праздник Лао Сы был безнадёжно испорчен. Если уж припёрло поделиться новостью, могла бы подойти тет-а-тет после застолья. Зачем трезвонить на всю округу? Теперь за каждым столом только эту косточку и перемывали. Словно машина времени перенесла всех на пятнадцать лет назад — только сейчас старую грязную сплетню смаковали с ещё большим упоением.

Ещё бы, ведь нынешние Ли — совсем не те бесправные бедняки, какими были прежде.

— Горячее всё выставили? — свинцовым голосом спросил Гоудань. — Вот пускай едят. А как набьют брюхо, пускай катятся по домам. Посуду приберём, а все разговоры — завтра.

Почуввав недоброе, кумушки прикусили языки и поспешили переключить внимание на свои тарелки.

Видя, как померк и ссутулился отец, Гоудань обменялся красноречивым взглядом с А-Сюанем и увёл Лао Сы с праздничного двора в пустые стены нового дома.

Они примостились друг напротив друга на новеньких, ещё пахнущих лаком табуретах.

— Отец, — мягко начал Гоудань. — Ты-то сам что обо всём этом думаешь?

Лао Сы тяжело вздохнул и поднял глаза на сына:

— Да что мне думать... Мы теперь не те бесправные бобыли, о которых каждый мог ноги вытирать. Завистников-то у нас пруд пруди, вот и пытаются тебя укусить побольнее, припомнив старое. Прямо в глаза ведь никто не посмеет вякнуть.

— Вот именно, — подхватил Гоудань. — Твоей вины тут нет и в помине. Да и стыдиться нечего. В городах вон сплошь и рядом разводятся, коли жизнь не ладится. Эка невидаль!

Лао Сы устало потер испещрённое глубокими морщинами лицо. Голос его прозвучал глухо и надтреснуто:

— За себя я не боюсь. Своё я ещё пятнадцать лет назад отстыдился, когда меня на всю деревню ославили. Я за тебя переживаю, сынок. Тебе ведь в люди выходить. Неровен час, припомнят, что мать с чужим мужиком сбежала... А ты у меня без пяти минут учёный человек.

— Да плевать мне на их языки! — фыркнул Гоудань. — Неужто твой сын станет ломаться из-за деревенского твяканья? Это наше семейное дело, и никого оно не касается!

Хотя в глубине души он понимал: в их глуши людские языки злее волчьих зубов. Дай слабину — и заживо сожрут.

Лао Сы опустил голову, разглядывая свои натруженные ладони.

— Мать твоя... несчастная она баба, — тихо проговорил он. — В девках у родителей спину не разгибала на тяжелой работе. А за меня пошла — так я ведь тюфяком был безвольным, слова в доме не имел. Мать твоя и бабка твоя, и старшая невестка почём зря шпыняли да колотили, а я только глаза прятал, заступиться не смел... Кто ж знал, что она от такой жизни на сторону вильнёт да сбежит.

— Какая ни есть, а всё ж родительница твоя. Не держи на неё зла, сынок, — тихо добавил он под конец.

— И что нам теперь делать? — спросил Гоудань.

У него самого в голове уже зрел чёткий план, но прежде всего хотелось прощупать почву и понять, что творится на душе у отца. Оставить немую мать пропадать он не мог, но и ранить чувства старика, заставляя его терпеть позор под старость лет, не собирался.

— Не знаю я, сынок, видит бог, не знаю, — вздохнул Лао Сы. — Только сдаётся мне, коли у братьев её оставить, она там долго не протянет. Невестка у них — вылитая наша старуха, со свету сживёт и не поморщится.

Лао Сы обвёл взглядом просторную комнату. Новенький дом, в котором они сами ещё и дня не прожили... Как ни крути, а мужское самолюбие из песни не выкинешь. Пускай он давно переболел обидой и не держал на беглянку зла, но пустить её обратно на порог своего очага, словно ничего не бывало, не мог. Слишком глубока была старая рана.

Вглядываясь в осунувшееся лицо отца, Гоудань осторожно закинул удочку:

— Отец, ты ведь уже в годах, а меня вечно дома не бывает — присмотреть за тобой некому. Помнишь, я тебе говорил: приглядишься к какой-нибудь приличной вдове из местных, сойдитесь да живите под одной крышей на старости лет. А теперь вот мать объявилась... Что скажешь?

— Делай как знаешь, мешать не стану, — выдавил из себя Лао Сы после долгого молчания. — Всё-таки она тебе мать родная. Захочешь вернуть её в дом — твоё право. Сын по матери иссох — дело законное, против природы не попрёшь.

Лао Сы рассуждал просто: если Гоудань решит привести немую назад, ему придётся смириться. Против сыновней воли он не пойдёт. Уж таким безропотным человеком он был от рождения.

Гоудань лишь сокрушённо покачал головой:

— Ну пап... Ну неужто у тебя своего голоса нет? Хоть бы поспорил для виду!

Лао Сы промолчал. Гоудань рос самостоятельным, хлопот отцу никогда не доставлял: на учёбу зарабатывал сам, на новый дом — тоже своими силами раздобыл денег. Сейчас старик жил как у Христа за пазухой, о чём ещё мечтать под старость? Раз сыну нужна мать — пускай забирает её к себе, а он, Лао Сы, переберётся обратно в старую развалюху. Места хватит.

— Да какие уж тут споры, — тихо обронил старик.

— Отец, — твёрдо произнёс Гоудань, поднимаясь с табурета. — Этот дом — наш с тобой. И ничей больше.

Отрезав эти слова, он развернулся и вышел на улицу.

А-Сюань, дежуривший у порога, тут же шагнул к нему навстречу:

— Ну как поговорили?

— После растолкую, — вполголоса ответил Гоудань. — Ты расспросил кумушек? Новость-то верная, не брешут?

— Похоже, чистая правда.

— Завтра с утра съездим, проведем беглянку, — хмуро бросил Гоудань. — Ладно, пошли перекусим. Гости-то хоть наелись?

— Ой, не то слово! — усмехнулся А-Сюань. — Налетели на еду как саранча, только треск стоял. Но угощение знатное вышло, никто не в обиде. На всех столах яства стояли горой, порции отменные, так что добавки никто и просить не думал.

— Вот и славно.

К сумеркам столы опустели, и парни принялись чинно провожать гостей. Мингуан с ребятами выпроваживали тех, кто изрядно захмелел. Кое-кто из любопытных баб порывался остаться под предлогом помощи — уж очень им не терпелось выведать подробности о немой, — но мужья да более благоразумные соседки бесцеремонно увлакивали их со двора за рукава.

Напоследок Гоудань тепло распрощался с директором начальной школы и своим классным руководителем из шестого класса. Старый директор, который всё ещё стоял у руля школы, крепко пожал парню руку:

— Ай да молодец, Гоудань! Я ведь с первого класса приметил, что из тебя толк выйдет. Всю нашу школу прославил на уезд!

Гоудань и А-Сюань вежливо проводили почётных гостей до тракта и только после того, как фигуры учителей скрылись в сумерках, повернули обратно к усадьбе.

Во дворе разом стало пусто. Лишь несколько верных помощниц споро убрали со столов грязную посуду да составляли в стопки одолженные у соседей лавки, чтобы поутру разнести хозяевам. Под ногами шуршали обрывки петард и бумажный сор. Недавний оглушительный гомон сменился звенящей вечерней тишиной.

— Брат Мингуан, сдвинь пару столов поудобнее, — крикнул Гоудань парням. — Мы ведь так за весь день крошки во рту не держали. Спасибо вам огромное за помощь, век не забуду! Тётушки, несите ухваты с кухни, садитесь с нами. Негоже весь день у печи пластаться и голодными остаться.

Вся честная компания — и родня, и соседи, и сам повар с парой расторопных подмастерьев — уместилась за тремя столами.

Застолье вышло тихим — не до веселья было. Гоудань припас знатное вино, желая отблагодарить помощников за труды, но разливать хмельное никто не захотел. Все молча работали ложками. Впрочем, стол ломился от яств. Из-за ненасытных семейств, пожаловавших полным составом, днём пришлось срочно докупать ещё полтуши свинины. В общей сложности

на сегодняшнее пиршество ушёл целый упитанный боров, не говоря уж о битой птице.

Гоудань щедро расплатился с поваром, и Мингуан проводил кулинаров до ворот. Оставшиеся парни споро потащили мебель по дворам. В знак благодарности за одолженные столы да лавки хозяевам передавали по глубокой миске ароматного жаркого — тушёного с овощами сочного мяса.

Когда с делами было покончено, Гоудань велел помощницам разобрать по узелкам оставшиеся в чанах разносолы:

— Тётушки, берите, не стесняйтесь, пускай ребятишки дома полакомятся. Нас всего трое, куда нам столько? Оставьте нам пару тарелок на ужин, а остальное забирайте, не то пропадёт добро на жаре.

— Лао Сы! Лао Сы, сынок, опомнись! Не смей делать глупостей! — заголосили с улицы.

Гоудань мысленно застонал и закатил глаза. Ну куда же без главного судии всей деревни!

— Пап, иди, там тебя бабка зовёт, — буркнул он.

Видеть старую госпожу Ли у Гоуданя не было ни малейшего желания — один её вздорный вид вызывал у парня зубовой скрежет. И как только в таком дряхлом теле умещалось столько желчи и неуёмной жажды устраивать свары?

— Зачем столько добра чужим бабам раздаёте?! — запричитала старуха, переступая порог. — Ли Сы, бесстыдник ты эдакий! Матери родной куска пожалел!

— Бабушка, ты по делу пришла или так, глотку подрать? — ледяным тоном перебил её Гоудань.

Старая госпожа Ли набрала было в грудь воздуха, чтобы разразиться привычной бранью, но, натолкнувшись на колючий взгляд внука, подавилась словами, словно её схватили за горло.

— Да я... я к тому, что негоже чужакам столько мяса задарма раздавать! — промямила она, сбавляя тон.

— У нас всё равно испортится, — ровно ответил парень.

— Да как же так! Твой старший дядя да братья двоюродные мясного стола сто лет не видели, а ты...

— Бабушка, тебе мало того туеска со свиной, что мы тебе днём отправили? — отрезал

Гоудань. — Будет тебе. Соседи весь день на ногах провели, спины не разгибали, неужто они тарелку жаркого не заслужили? Да я бы им и денег приплатил, кабы они не отказывались! Нас в доме всего трое, без чужой помощи мы бы ни за что не управились. А где же были мои любезные дядя да кузены, когда тут работа кипела? Что-то я не видел, чтобы они хоть щепку помогли поднять!

Лао Сы ведь заранее обошёл всю свою родню, позвал на новоселье. Но на тяжёлую работу никто не явился. Зато за праздничные столы сели одними из первых, да ещё и вели себя за едой нагло и беспардонно, стараясь урвать кусок пожирнее.

— В своём доме я сам хозяин и сам всем распоряжаюсь, — отрубил Гоудань. — Есть дело — выкладывай, а нет — ступай восвояси. Нам убираться надо, недосуг твои причитания слушать.

Он ведь и выходить-то к ней не собирался, но стоило услышать, как старуха принимается честить работающих соседок, пришлось вмешаться.

— Так зачем пришла-то? Говори прямо.

Тут старая госпожа Ли вспомнила, зачем явилась, и, всплеснув руками, залилась фальшивыми слезами:

— Ой, сыночек мой родной! Слыхала я, объявилась шалашовка твоя немая! Ты только не вздумай глупость сделать, не пускай эту срамницу на порог! Она ж нас на всю жизнь опозорила!

Помощницы, переглянувшись, понимающе заулыбались внуку — все в деревне знали, что сладить со строптивой старухой под силу только Гоуданю. Похватав миски с гостинцами, бабы поспешили разойтись по домам. Гоудань тепло улыбнулся им на прощание. Когда двор опустел, он без зазрения совести бросил отца наедине со старухой Ли, которая вовсю костерила его бывшую невестку последними словами. Лексикон у бабки был тот ещё — уши вяли слушать.

За долгие годы Гоудань изучил повадки бабки вдоль и поперёк, а потому попросту пропустил её ядовитый фонтан мимо ушей. Схватив А-Сюаня за руку, он увёл его в старую хату — в новый дом они пока не перебирались, решив дать стенам просохнуть, так что спать устроились на прежнем месте.

А-Сюань заботливо взбил подушку и подложил Гоуданю под спину — парень за день вымотался и душевно, и телесно. Не обращая внимания на доносившиеся со двора завывания старухи Ли, сокрушавшейся перед безропотным сыном, они завели тихий разговор о насущном.

— Мать... бросить её я не могу, — негромко произнёс Гоудань, глядя в потолок. — Если начистоту, я на неё зла никогда не держал. Останься она тогда в нашей семье, бабка бы её со свету сжила. Сам ведь знаешь, какая у меня бабка лютая. Будто не в себе старуха: спит и

видит, как бы очередную невестку посильнее уязвить да побольнее ударить. День-деньской придирки из пальца высасывала, чистая садистка.

— И что ты задумал? — спросил А-Сюань.

Ему, сироте, трудно было до конца понять ту сложную гамму чувств, которую Гоудань испытывал к давно бросившей его матери. Но любое решение названного брата он готов был принять и поддержать без лишних расспросов.

— Ну, наперёд скажу: с отцом они вместе жить не станут, это дело прошлое, — вздохнул Гоудань. — Да и слухи ходят, будто она на чужбине ещё двоих детей нагуляла. Мой отец при всём своём добродушии не станет растить чужих щенков. Свои дети — это ведь делёж имущества, свадьбы, хлопоты... Не по-человечески это будет, несправедливо к отцу.

— Кабы я её сюда привёл, отцу бы сердце разорвал. Он ведь человек бесхитростный, ранимый. В деревне над ним и без того годами потешались — дескать, бабу свою удержать не сумел. А ежели она воротится, да ещё и с чужим приплодом, это ж чистая соль на старые раны.

— Опять же, деревенские бабу за побег из семьи вовек не простят. Плевать им, из-за побоев ли она сбежала или с жиру взбесилась, — клеймо блудницы до смерти не смоют. Местные кумушки её живьём сожрут, проходу не дадут. Да и сама она, видать, понимает это. Неспроста ведь, натерпевшись лиха, она к родителям прибилась, а не к нашему порогу прибежала. Знает, что обратного пути нет. А если бы и привели её — бабка моя костями у ворот ляжет, каждый божий день будет приходить кровь нам сворачивать.

— Так что признавай её, не признавай — всё одно судачить будут.

— Моё мнение такое: тащить её в Сикань — только людей смешить да близких мучить. Никому от этого блага не будет. Я тут один план обмозговал... Послушай, ладно ли выйдет?

А-Сюань устроился поудобнее и кивнул:

— Выкладывай, вместе покумекаем.

Гоудань придвинулся ближе и примостил голову на коленях А-Сюаня. Тот принялся легонько перебирать его жёсткие вихры.

— Помогать я ей буду, но порога этого дома она не переступит, — тихо продолжил Гоудань. — Родня у неё по материнской линии — шкуры продажные. Это ж как надо сестру ненавидеть, чтоб на мороз с детьми выгнать! Да и ко мне они за столько лет ни разу не заглянули, не поинтересовались, жив ли племянник, не сдох ли с голоду.

А-Сюань ласково погладил его по голове, сочувствуя нелёгкой доле сироты при живой матери.

— Её ведь бабка давным-давно из семейной книги выписала, прописку аннулировала, так что ни надела земли, ни пайка ей тут не видать, — вздохнул Гоудань. — Да и меня дома почти не бывает — уеду на учёбу, и поминай как звали. Я хочу помочь ей встать на ноги, чтоб сама копейку могла заработать. Навещать буду по возможности, деньгами помогать... Но чужих детей на свои закорки сажать не стану. Завтра съездим, поглядим на месте, что там за дела, а там уже решим. Что думаешь?

— Договорились, завтра с утра и двинем, — кивнул А-Сюань. — Только надо бы ребят с собой прихватить. Мы ведь не знаем, что там за порядки. Сейчас как раз выходные, Цичжи и парни посвободнее будут, с радостью проветрятся. Вдесятером-то оно надёжнее будет, мало ли как тётка да дядя настроены. Родня там, судя по всему, ушлая — костей не соберёшь.

Они ведь наверняка решили, что Гоудань знаться с непутёвой матерью не захочет, потому и выставили её прочь. А ну как пронюхают, что богатый племянник-студент готов раскошиться? С этих живоглотов станется — мигом немую оближут и мёртвой хваткой в Гоуданя вцепятся, канюча свою долю.

<http://bllate.org/book/19654/1996826>